

Воспоминания о
Юрии Михайловиче Непринцеве

Знаменитую картину Юрия Михайловича Непринцева «Отдых после боя» знала вся страна, она бесчисленно репродуцировалась в 50-е годы. Мне, мальчишкой, очень нравилось ее разглядывать, а когда в школе я прочел «Василия Тёркина» А.Твардовского - она стала мне еще дороже: настолько картина была конгениальна поэме. Все привлекало в ней: ее удивительный оптимизм, задор, свежая живопись, крепкий рисунок. Сомнений не было в победе этих людей, да еще когда заводилой такой «орел» как Тёркин! Я подолгу рассматривал прекрасно найденные типажи и прежде всего, конечно, центральный образ Василия Теркина. Фигур в картине было много, размер большой, автор, думал я, какой-нибудь русский былинный богатырь.

Очень подкупало и то, что все происходило на снегу. Снег придавал всему происходящему необычайную свежесть. Налицо была и перекличка с «Боярыней Морозовой», «Взятием снежного городка», «Не замай, дай подойти!» Верещагина, что еще больше усиливало значимость этого произведения.

Поэтому естественно, что, поступив в 1969г. в Академию, я во все глаза разглядывал Юрия Михайловича Непринцева.

Было удивительно, что автор этой на весь мир тогда известной картины вот так запросто ходит по коридорам, руководит мастерской... Во всем его облике было что-то от прошедших эпох. Это чувствовалось в небольшой изящной фигуре с прекрасной осанкой, в скромной, но как-то особенно опрятной, одежде, необычном тембре голоса.

Носил Юрий Михайлович всегда светло-серый костюм, который, кстати, ему очень шел. И сам он, несмотря на свою огромную известность, был очень скромен, добр и даже, как мне иногда казалось, застенчив.

Никакого барства, грубости, фамильярности, зазнайства.

Он очень любил и уважал людей: сослуживцев, студентов, натурщиков. Видимо, для многих именно такая личность и воплощала образ не только интеллигентного человека, но и его особый тип - ленинградца.

Подстать ему были и его помощники по мастерской – А.Д.Романычев и О.А.Еремеев.

И сам Непринцев, и Александр Дмитриевич, и Олег Аркадьевич Еремеев, который преподавал рисунок, несмотря на всю строгость и требовательность, были, в сущности, людьми исключительной доброты.

Поэтому в мастерской Юрия Михайловича обстановка была не только творческая, но и душевная, товарищеская. Я хорошо знал об этом от своих друзей по СХШ и 1-2 курсам, которые попали к нему в мастерскую. Друзья мои взахлёб рассказывали о событиях в мастерской, о беседах Юрия Михайловича, его отзывах об их работе, задачах живописи. Атмосфера, царившая в непринцевской мастерской, очень привлекала, поэтому я часто навещал друзей в перерыв.

Совсем другая обстановка была в нашей мастерской, и я часто подумывал, а не перейти ли мне к Юрию Михайловичу.

Постановки в непринцевской мастерской часто подкупали оригинальностью.

А однажды я был просто сражен! Это была двойная постановка, напоминающая «Игроков в карты». П.Сезанна.

До сих пор помню я фантастически красивые сочетания цветов: изумрудного с каким-то темно-коричневыми, черными, белыми. Было даже сооружено что-то вроде алькова, так что и тон «работал» как-то особенно. И главное – эта красота была воплощена в холстах! Особенно поразила меня работа Саши Кожина. Я знал его еще по СХШ, знал его скрытность и фрондёрство, а тут ему, как говорится, - и карты в руки!

Были и другие интересные постановки в мастерской Юрия Михайловича: например, лежащая обнаженная фигура, портреты с зеркалами и т.д..

Чувствовалось, что руководят здесь живые, неравнодушные люди.

Вспоминаю интересный эпизод на обходе 1 курса в моей группе, когда я, закончив академию, уже лет 10 преподавал. Я поставил, вернее, повесил на стену необычный натюрморт: стрелецкий кафтан, кажется, шапку, прислонил секиру, еще что-то, уже не помню. Получилось, на мой взгляд, неплохо, интересно, и студенты работали с воодушевлением. Но на обходе послышались критические замечания, что, дескать, так ставить нельзя и т.д., а резюмировал все М.М.Девятков: «Ты тут поставил что-то вроде пожарного щита!»

И вдруг среди этого шума как серебристый колокольчик – голос Юрия Михайловича: «Можно, я скажу? Вот я, - начал Юрий Михайлович, - уже 50 лет преподаю в институте, а такого натюрморта не видел! И мне интересно!» - победно оглядел он присутствующих.

Всё это было сказано так убедительно, что его мнение поставило точку в дискуссии. Конечно, мне была важна эта единственная профессиональная поддержка и понимание творческого подхода. Но особенно удивила и порадовала способность Юрия Михайловича откликаться на какие-то свежие идеи, сходу не отвергать непривычное. Душа этого пожилого мастера оказалась так молода, так открыта тому, что кажется ему новым и интересным.

Хочется мне сказать, что я обязан Юрию Михайловичу довольно длительным периодом моего творчества, включая работу над дипломной картиной и несколько лет обучения в аспирантуре, когда работал над вариантами картины «Партизаны».

Дипломная картина писалась на зимнем пленэре. И я до сих пор очень жалею, что в свое время постеснялся пригласить Юрия Михайловича посоветоваться. Ведь он поистине является родоначальником советской снежной пленэрной картины.

Любовь к снежному пленэру, возникшая под влиянием «Отдыха после боя», «Боярыни Морозовой», партизанской серии В.И.Рейхета, жива во мне, и я стараюсь привить ее своим студентам.

И когда (увы, редко!) мои студенты пишут модель на снегу в академическом саду, я думаю: жаль, Юрий Михайлович не видит...

Декабрь, 2009.